НИНА ДАШЕВСКАЯ
Я
НЕ
ТОРМОЗ

Встречное движение

Нина Дашевская

Я не тормоз

«Самокат»
2016

Дашевская Н.

Я не тормоз / Н. Дашевская — «Самокат», 2016 — (Встречное движение)

Обычный человек так бежит, когда на поезд опаздывает. А для Игната – нормальная скорость. Самое то, на роликах или на самокате. Так лучше ощущаешь связь с миром, а в нем всё интересно: и люди, и город, и музыка, и книги… да всё. И мыслей об этом у Игната полно. Своих, ни у кого не занятых. Только вот делиться он ими не любит, да и не с кем – кто же за ним поспеет? Хотя Игната все любят. Он это случайно как-то понял – удивительно, да? Но он много чего, оказывается, еще не догоняет. Например, что у него друг есть на самом деле. И не один. Или что некоторые всерьез собираются жизнь посвятить помощи другим людям… Ничего, он не тормоз, догонит. В общем, да, иногда и самокатному ангелу надо отдохнуть. Повесть «Я не тормоз» писательницы Нины Дашевской, уже хорошо известной и полюбившейся читателям по книгам «Около музыки», «Вилли», стала победителем конкурса детской книги «Книгуру» в 2015 году.

© Дашевская Н., 2016
© Самокат, 2016

Содержание

Лёвка 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Нина Дашевская
Я не тормоз

© Дашевская Н. С., 2016
© Издание на русском языке, ООО «Издательский дом “Самокат”», 2016

* * *

* * *

– Игнат, ешь медленно! Жуй, Игнат! У тебя тридцать два зуба для этого!

– Двадцать восемь, – говорю я. Правда двадцать восемь, я считал.

Я и сам себе говорю: ешь медленнее! Потому что съел и сидишь, а остальные ещё жуют.

Если один дома, то нормально – поел и пошёл. А если люди? Сидишь, а они едят, едят… Тогда достаёшь телефон, потому что скучно же смотреть, как другие едят! Папа меня страшно ругает за телефон этот. Но он редко дома бывает.

А в школе я стараюсь есть один.

Но тут у маминой подруги Жени был день рожденья, и она нас с Лёвкой тоже взяла. И вот тут я говорил себе: ешь медленнее! Но не получалось медленно – вкусно ведь! А Женя эта мамина всё говорила: а-а, ты уже всё съел! Растущий организм! Я тебе ещё положу! Я отбрыкивался, а она всё равно.

А потом ещё торт!

В общем, я объелся, как никогда в жизни. Там один дядька за столом смешное рассказывал, а я даже смеяться не мог! Никогда в жизни не буду столько есть. Люди в некоторых странах, вон, голодают, а я продукты перевожу…

* * *

Левой, правой. Самое лучшее на свете – ролики эти. На них у меня голова проветривается. Лечу, рассекаю… Воздух свистит, я чувствую его – воздух. Только не наушники, это не люблю: тогда я теряю окружающий мир и страшно. И потом, отвлекает.

Наушники я люблю дома. Будто отгородился ото всех и сидишь один со своей музыкой.

А на улице не люблю уши затыкать. Я люблю город слышать. Я его люблю, город свой. На роликах очень круто по нему: левой, правой!

Если бы только машин поменьше. Я читал, в Стокгольме так: машин мало, и все на велосипедах. Но велосипед у нас негде хранить. И поднимать неудобно на девятый этаж. А самокат или ролики – пожалуйста.

Я решаю обычно так: если мне потом в метро, то лучше самокат. Если же можно без метро, то ролики проще. Быстрее. Но это если лестниц нет на пути. Вообще можно будет исследовать, что лучше. Самокат vs ролики. Когда-нибудь займусь. В школе можно, там часто времени полно. Если не забуду.

* * *

– К доске пойдёт Зайцев.

Все вокруг тихонько хихикают. Ну и что, и что? Сколько уже можно, надоело.

Иду к доске, решаю задачу эту. Простая.

– Игнат, куда ты торопишься? На поезд опаздываешь?

– Я не тороплюсь, – пожимаю я плечом, – я как всегда…

В общем, пропустил я действие. Ну и что; ответ-то правильный. Я в голове уже потому что сосчитал и забыл записать. Руки у меня не успевают за головой.

– Ладно, – говорит она, – пять с минусом. Хотя вообще это ошибка.

– Ответ же правильный, – говорю.

– Решение тоже имеет значение. Мне нужно видеть, как ты мыслишь.

Ещё чего. Чтобы кто-то видел… Мои мысли – моё личное дело, нечего…

– Ой, Игнат, а почему тебя в журнале нет?

– Потому что я не Зайцев, а Волков, – говорю в стотысячный раз. Никогда не запомнят, я уже не поправляю.

Иду на своё место и задеваю ведро; оттуда вываливается швабра и лупит меня по голове.

Опять.

Это мои грабли, швабра эта.

– Зайцев! Тебе самому не надоело в классе клоуном быть?!

– Я Волков, – говорю я.

Вот скажите, это такие похожие фамилии, да? Заяц и волк – это совсем-совсем одинаковые звери. Да? Или мне не подходит фамилия Волков?!.

* * *

Может, если бы я был брюнетом, меня не звали бы Зайцевым. А так – волосы жёлтые.

Дурацкий цвет, как у Иванушки-дурачка. Жёлтые и торчат. Первый день голову помоешь – нормально; а на второй – уже будто сто лет не мыл. Я пробовал стричься коротко, вышел ужас. Будто один нос на лице торчит, причём на чужом каком-то лице. Лучше уж так, как есть: отросли – и нормально вроде, лицо не очень видно.

Но зайцы же белые! Или серые, русаки, там. Разве бывают такие жёлтые?

Или у меня лицо травоядное, не хищное? Лицо как лицо. Ну, не хищное. Но при чём тут зайцы?!

Обидно, в конце концов. Никакой я им не Зайцев.

И ещё имя: Игнат. Нормальные люди вообще мои родители, нет?.. Ну, это папа назвал. В честь друга, который погиб. Папа, наверное, хотел, чтобы я был на того Игната похож. А я не похож. И что мне теперь?.. Виноват я, да?

Знаете, как меня бабушка зовёт? Ну, как думаете?.. Натик. Ы-ы-ы.

Хотя, с другой стороны – хорошо, что папиного друга звали не Сигизмунд, например. И очень плохо, что он погиб. Он, конечно, был очень хороший. И его имя осталось бы при нём, а мне бы досталось Лёвкино.

А вот Лёва. Я же им говорил, что так нельзя: Лев Волков. Зоопарк какой-то! Но они разве послушают… Мама всю жизнь, оказывается, хотела, чтобы сын – Лёвка, Лёвушка. И не виновата она, что папа Волков оказался.

– Есть же Лев Лосев, – сказал тогда папа. – И Волков – это не Зайцев. Если бы Зайцев, тогда глупо: заяц и лев. А волк что? Вполне самостоятельный зверь.

И он туда же. Его-то, кстати, никогда в жизни Зайцевым не называли, никто.

* * *

Хочу обогнать и не могу. Время останавливается. Я еду на этом эскалаторе сто лет. За это время у меня выросла борода. Я прямо чувствую, как она лезет. Потом седеет…

Уф, спрыгиваю с эскалатора. Обгоняю эту, с телефоном. Тычет туда ногтями своими раскрашенными, фу… И встанет же слева, не обгонишь; кому талдычат каждый день: стойте справа, проходите слева!

…Ставлю самокат – и вижу: переднее колесо всё ещё крутится.

Вечный двигатель.

Оно крутится сто лет, с того момента, как я вскочил на эскалатор.

Я всё-таки успел, чудом. Сменку не переодел, проскочил так, куртку бросил на решётку в гардеробе – так можно, когда опаздываешь. Ф-фу! Успел.

Влетел секунду до звонка; то есть за секунду, ух, пропускаю предлоги, ещё будто бегу. А разогнался – не могу остановиться. Прямо чувствую, как у меня там всё внутри: сердце колотится, кровь к ушам почему-то, зачем она сейчас ушам?!. Горят, как фонари.

– Седьмой кла-асс, достаём уче-ебники, – бесконечно тянет Марго. Надо же так медленно говорить! И всё стало так медленно… Я бы уже всё сделал давно! А так… Бесконечные сорок пять минут.

Время застывает, как асфальт. Вообще не двигается. И я начинаю дёргаться. И сам понимаю, что дёргаюсь, как дурак, как псих. Сорок пять минут неподвижного сидения для меня – невыносимо.

– Не вертись! – говорят мне.

Да я и не верчусь вроде. Ноги затекли только.

Ручка падает. Почему ни у кого не падает, а у меня – всегда? Катится, катится, ка-тит-ся, щёлкая рёбрами по парте, докатывается до края – ап! Я ловлю. Медленно падает потому что.

Рёбра у ручки. И у меня рёбра. Об них сердце колотится: тук, тук. Двигаются рёбра, когда дышу. Там лёгкие внутри мягкие, рёбра их берегут, но и не дают вдохнуть глубже, мне бы глубже ещё… Наполнить лёгкие, расправить, как дирижабль… Я бы тогда полетел под потолок. Смешно. Рёбра жёсткости. Рёбра, бра, бр-р-р. Слово само такое – как ручка стучит.

– Откры-ыли два-адцать шесту-ую страни-ицу!

Открываю. Смотрю. И никак не могу понять, какое отношение имеют эти графики функций… А, чёрт, литература же! Другой учебник!

* * *

На обложке написано: «Литература». Я давно уже прочитал его, этот учебник, в первую неделю сентября. Всегда говорю себе: не читай! Что потом делать будешь?.. Но всё равно прочитываю. Они чего-то говорят на уроке, обсуждают… Нет, я слушаю. Когда, например, Тонька говорит, всегда интересно послушать. Правда, она давно уже не говорит, это я отключился. Литература. Хорошее слово, длинное.

Литр.

Трата. Утрата.

Талер.

Алеут!

Отличное какое это «алеут», прямо горжусь.

Трёхбуквенные слова я не пишу. Это слишком легко. Потом, когда у меня наступит ступор, я могу их сразу все написать, есть алгоритм. А сейчас… Шесть букв – это удача. Пока только одна «утрата» получилась.

О! *Раритет*.

Проверил – точно, подходит! Йес!

– Волков, ты о чём сейчас таком думаешь, а?

Вот же, это я вслух заорал «йес», что ли?!.

– О литературе, Маргарита Павловна, – совершенно честно отвечаю я.

Потом ко мне Ященко подошёл, просил показать, во что я играю.

– Как ты без телефона играешь? У тебя гарнитура, что ли, какая стоит?

Неумный человек, не понимает, как без телефона можно играть!

* * *

Друзей у меня нет. Ну, можно сказать, я со всеми дружу; врагов у меня нет тоже. Но так, чтобы прямо друг – нет. Они все какие-то слишком медленные, не догоняют меня. Рассказывают там чего-то… Я уже давно понял! А они объясняют, объясняют… так медленно! Они думают, что я тупой?!. Или вот в столовую мы идём. Если идти с кем-то, обязательно притащишься к середине перемены, и там будет очередь на километр. А если никого не ждать, то они приходят, а я уже всё купил! И даже почти всё съел. Ненавижу тратить время на еду. Ведь можно ещё кучу всего успеть!

Ай! У-у-у, почему у меня всё падает!!! Хорошо, стакан поймал, подхватить успел. А чай… его не подхватишь, такой вот закон природы.

Правда, я редко пешком хожу. Пока асфальтовый сезон, стараюсь на колёсах. Самокат, ролики, там. Доску осваиваю, такой маленький скейт, но пока не очень научился. Лучше всего на роликах: надел – и привет! И никого не ждать.

* * *

Толчковая – правая. А еду левой. Это главное. Главная нога – не та, которой толкаешься, а которой на самокате стоишь. Конечно, можно и поменять ноги. Вроде бы всё то же самое делаешь. Но снижается и скорость, и маневренность. Устаёт не та, что толкается, а та, что везёт. И толкаться надо грамотно, ногу ставить на препятствия. На трещины, там. Ну, и плитки жёлтые контактные: ногу ставишь на них, чуть приподнимаешь самокат и толкаешься. Хотя вообще, конечно, я падал не раз на плитках этих. Надо бы, в идеале, место оставлять, чистый асфальт, чтобы можно было объехать.

А если лететь под гору, то я стою двумя ногами, правую ставлю крепче, переношу на неё вес тела. Чтобы разгрузить левую, рабочую.

Ещё вот что важно: конфета от горла, леденец. Почти всегда в кармане. От скорости у меня перехватывает в горле, от холодного воздуха; и почти всегда на выходе – кашель и насморк. И леденец очень помогает. Если сразу за щёку его. Всякие, там, с эвкалиптом или просто мятные.

На самом деле я часто забываю это – про леденец. И потом горло болит. Но если бы я писал самоучитель езды на самокате, я бы не забыл. У нас холодная страна. Без леденца за щекой никак.

А в метро на самокат можно повесить сумку. Главное, чтобы он не укатился и не хлопнулся на пол. Я так однажды сметану не довёз – обычную, в пластиковой таре. Она в пакете была, и я этот пакет на руль повесил, а самокат грохнулся. Треснула эта ваша тара, всё вылилось, весь пакет потом в сметане этой…

Самое странное, что в том же пакете были яйца. И ни одно не разбилось. Это странно, но факт.

Почему я на метро ехал с продуктами? Я же всегда возле дома покупаю. Не помню…

* * *

Рядом в метро стоит девушка в синем пальто, читает книжку. Заглядываю – стихи. Вот странно. Я не могу читать, всё-таки неловко, но вижу – стихи.

Не люблю стихов, я их не понимаю. Может, от того, что это медленное чтение. Я пробовал читать, но от меня всегда мысль уходит, о чём это. Ну, читаешь. И понимаешь: тут определённый ритм есть, тарарарам, парам-парам. А глаза этого ритма не выдерживают, дёргаются вперёд, вниз скользят, ищут – про что? Что было, чем кончилось?.. Потом назад… Так и бегают по странице, и никак не улавливается смысл. А если улавливается – всё оказывается просто: смерть, там, или любовь, или дерево растёт. Ну, я упрощаю, конечно. Но всё равно непонятно, чего было огород городить.

Я вообще быстро читаю, пропускаю иногда слова или целые предложения, если понятно, о чём речь. Если мне книга нравится, то я себе говорю: читай медленно! Давай-давай, каждое слово! И так внимательно, медленно читаю пять строчек… И оказывается, что это было такое напряжение для меня! И я ничего не помню. И тут же срываюсь опять.

Вот говорят: не глотай! Мама говорит, папа, да и Марго тоже: не глотайте книги! Читайте медленно, вдумчиво, там… А я не могу. Если я иду медленно, у меня мышцы начинают болеть, я устаю, как чёрт! И то же самое с книжками. Не могу я медленно!

Или ещё вот я себе говорю: не смотри в конец. Не подглядывай! И потом выходит, что я, пока читаю, только и думаю, что там, в конце. И всё пропускаю. Я какой-то неправильный читатель, наверное.

Лёвка

Я забираю Лёвку из садика. Это моё частое дело; иногда оно случается довольно некстати, но в целом я это люблю. Мне нравится, как Лёвка мне радуется.

– Иг! На-а-ат! – кричит он. Слышит мой самокат, когда я ещё только подъезжаю к их площадке.

И воспитательница меня любит. Одна. Вторая – нет, она противная, и её не любит ни Лёва, ни я. Полная взаимность. И она мне всегда на Лёвку жалуется. А та, которая любит, – никогда. Хотя обе одинаково пихают мне в руки Лёвкины мокрые носки и грязные майки – он всегда обливается, каждый день почти. И у него там есть запас чистого, каждый день ему приносим это чистое, а забираем вот что. Я бы на него злился, если бы сам не был таким безруким. Но у меня уже лучше, не каждый день проливаю. Лёвка тоже вырастет и научится. К пакету с грязными вещами я привык.

Мы вешаем его на самокат. Потом Лёвка встаёт ближе к рулю, ставит ноги в какую-то там балетную позицию, чтобы мои ноги тоже поместились. И мы мчимся вместе. Мчим!

Очень неудобно, конечно, вдвоём, потому что Лёвка иногда тоже пытается рулить. И если вверх, и если бордюры – ужас как неудобно, я весь взмокший привожу его домой.

Зато вниз!

Это называется даунхилл. Когда вниз, под гору, и можно не толкаться, просто летим! Наша общая масса увеличивает скорость.

У-у-у-ух!

Ч-чёрт, навстречу выскочил парень на роликах. Вот же псих, я еле успел затормозить! Куда смотрит, не видит, что я с ребёнком?!.

Ну да. Он не виноват. Он просто ехал так быстро и не предполагал, что кто-то тоже может гнать в таком темпе.

Ладно, без травм, и хорошо.

– Совсем уже! – кричит ему в спину Лёвка.

– Не надо, Лёвка. Не ругайся. Мы тоже, знаешь… Превышаем.

* * *

Такое удовольствие – лететь по пустому переходу. Потому что никогда асфальт не бывает таким гладким, как плитки в переходе. Тем более я только что из метро – ноги задеревенели столько стоять. И если никто из прохожих не мешает, то – ух!

Боковым зрением замечаю человека, который стоит, просто стоит. Или продаёт что-то, или денег просит… А, ну да. Костыли.

Вот же, а. Я будто сразу виноват, что могу вот так наворачивать на самокате своём, а он – нет.

Проезжаю мимо, потому что уже разогнался. И ещё потому, что… Ну, у меня есть деньги. Но они не мои как бы. «Будешь сам зарабатывать – можешь раздавать направо и налево», – сказал мне как-то папа. Это я тогда Ященко денег дал в долг, он просил очень. До сих пор, кстати, не отдал. Забыл, наверное. А напомнить неловко.

Буду сам зарабатывать – тогда да. А так неловко мне. Не знаю, как правильно в этой ситуации; и уехал уже давно оттуда, не думать бы. Но думается само.

* * *

Когда торопишься, главное – не забывать дышать. Пока не увидишь на часах 8:30, ты ещё не опоздал, даже если ты за сто километров. Я передвигаюсь в пространстве быстро, заоблачно быстро. Прибавляю скорость, и время пути стремится к нулю. Стремительно стремится. Время – стремя. Надо будет использовать когда-нибудь. Что общего у слов «стремительный» и «стремя»… Так, о чём я… А, стремится к нулю. Мне кажется, если я поднапрягусь, то время станет отрицательной величиной. И я окажусь в точке В раньше, чем вылетел из А.

* * *

А, вот. Ещё. Давно было, Лёвка совсем маленький был. Я домой пришёл и вдруг слышу его голос:

– Гад! Гад!

Что это ещё такое?!. В садик он ещё не ходил, откуда нахватался таких слов?!.

– Гад! – радостно кричит он, выскакивает из комнаты и обхватывает мою ногу. Так это он меня ругает, что ли?!.

– Да, – кивает радостная мама, – это Игнат пришёл, Игнат!

…И тут до меня доходит. Это моё имя! Никакой не «гад», а «Игнат», он так выговаривает!

– У-у-у, ты что, не слышишь?!.

Мама радуется новому Лёвкиному слову и даже не замечает, что моё имя ругательно звучит!

– Ну вы меня и назвали… Ужас какой-то, – я вздыхаю, стаскиваю кеды. И думаю, как будет круто, когда Лёвка будет мне на улице кричать «Гад!» на весь двор!

…Так и вышло. Правда, этого слова «гад» никто не замечал, кроме меня. А я целую неделю дрессировал его:

– Лёва, скажи: Иг-нат! Не «гад», а «Иг-нат»!

– И-гаад! – старался Лёва.

И что вы думаете? Уже через неделю он научился! Чисто-чисто! Правда, до сих пор в его исполнении моё имя звучит раздельно: Иг Нат. Будто двойное, как в книжке какой-нибудь фантастической или в кино.

* * *

Когда Лёвка был совсем младенцем, он очень орал. Ну, постоянно просто. Переставал только, если взять его столбиком, чтобы голова из-за моего плеча назад смотрела, и так с ним надо было ходить; и желательно стихи какие-нибудь читать заунывным голосом. Тогда он такой становился тихий, как зайчик. Я для него даже Пушкина выучил, о царе Салтане: легко учится, только не забыть, когда что повторять. И к «белка там живёт ручная» я обычно думал, что Лёвка уже уснул. Подойду спиной к зеркалу, а сам через другое плечо смотрю: спит? Нет, хлоп-хлоп глазищами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.